

«Как же вдовствующей императрице это удалось?»

Чи Нин так и застыл с приоткрытым от изумления ртом с той самой секунды, как увидел багровый туман. Подобное зрелище и впрямь поражало воображение.

Он прекрасно знал, что в этом мире существуют Одержимости. Они принимали самые разные, подчас пугающие цвета: угольно-черный, как у Синчжи, или призрачно-синий, похожий на болотные огни в Императорской тюрьме. Подчинить их своей воле при должном умении — задача вполне выполнимая. Но как! Как вдовствующая императрица умудрилась сделать так, чтобы эту Одержимость увидели все вокруг?

Это шло вразрез со всем, чему его учил Господин Юань. Тот не раз говорил, что простым смертным Одержимости невидимы — их способны различать лишь избранные и только при особых обстоятельствах.

«Госпожа Юцинъ явила её вовсе не каждому», — поправил его Господин Юань. — «Но абсолютному большинству».

«А разве есть разница?» — отозвался Чи Нин.

Не то чтобы ему не хватало сообразительности, просто в вещах, выходящих за рамки его познаний, он пасовал.

«Обычно для этого нужны три условия», — принялся разъяснять Господин Юань. — «Во-первых, если ты сам обладаешь схожей силой. Во-вторых, если прибегаешь к помощи могущественного артефакта или чужой магии».

Именно благодаря влиянию Юаня Чи Нин без труда различал чужие Одержимости. Даосские ученики из Обители Сидячего Забытья тоже владели тайными техниками: пусть они и не видели саму суть, но безошибочно определяли присутствие потусторонних сил.

«И наконец, в-третьих: природа самой Одержимости такова, что она избирательно воздействует на тех, кто отвечает её скрытым условиям».

В народных сказаниях о мстительных призраках или лисицах-оборотнях, платящих добром за добро, чаще всего скрывается именно это. Никакого чуда тут нет: просто конкретную Одержимость «видят» вполне определенные люди.

Переменными в этом уравнении могут служить как сам наблюдатель, так и жесткие критерии отбора, заложенные в саму Одержимость.

«Значит, либо возросла сила самой Одержимости, либо большинство столкнулось с неким проводником, сделавшим её видимой!» — Чи Нин наконец уловил ход его мыслей.

Вдовствующая императрица таилась с самого дня восшествия на престол нового государя только ради того, чтобы подготовить этот сокрушительный удар.

«Именно. Что послужило причиной — всплеск чужой мощи или особый медиум, — пока сказать трудно», — подтвердил Господин Юань. — «Очевидно одно: багровый туман — всего лишь Одержимость».

Проявление столь прожорливой Одержимости требует колоссальных затрат энергии. Обычный человек, даже подчинив её себе, сможет воспользоваться этой силой от силы раз или два. Постоянно творить подобное невозможно. Взять хотя бы Храм Бога Бракосочетания в восточной части столицы: тамошнее чудо коснулось лишь одного «счастливчика» из сотни.

Вдовствующая императрица воспользовалась слухами об утаенной беременности императрицы Лю и пустила в ход свой главный козырь. Потребуй от неё повторить этот трюк прямо сейчас — и она, весьма вероятно, потерпела бы неудачу. А потому бессмысленно гадать, как именно Юцинь провернула это дело. Куда важнее понять, чего она добивается.

Пока что удар Юцинь пришелся лишь по императрице Лю и её нерожденному дитя. С маленьким принцем Вэнь Чэнем это событие напрямую никак не связано. Пока живы император и его супруга, они могут зачать еще множество законных наследников. Не выйдет с этим — получится со следующим, а Вэнь Чэню престола всё равно не видать. Более того, даже если вдовствующей императрице удастся окончательно очернить государыню в глазах двора, Вэнь Кэ, прояви он хоть каплю твердости, может просто низложить её и взять новую жену.

Нагнетание суеверий — лишь первый шаг, но никак не конечная цель Юцинь. Зачем же она затеяла эту смуту? Конечно же, ради того, чтобы подготовить безупречное оправдание на случай, если император решится призвать её к ответу.

Со стороны её поступок казался безрассудным: он не приближал внука к трону, сулил императору лишь временные неудобства и неизбежно навлек бы на саму Юцинь подозрения. В долгосрочной перспективе вреда от этой затеи было куда больше, чем пользы. Так зачем же ей сеять хаос? Все эти вопросы Вэнь Кэ прокручивал в голове, даже не пытаясь объясниться с мачехой лично. Он и сам прекрасно понимал скрытые мотивы.

В эти минуты государь тщетно пытался утешить супругу в её покоях. Императрица Лю сидела на краю постели, обхватив руками округлившийся живот. Проливая горькие слезы, она с ходу указала на виновницу всех бед: без сомнения, это дело рук старой карги из Дворца Милосердия и Долголетия!

Разумом и сердцем Вэнь Кэ склонялся к той же версии, но сухая логика упрямо твердила обратное. Желая докопаться до истины, он высказал свои сомнения вслух, надеясь вместе с женой найти разумное объяснение.

Однако государыня лишь побледнела пуще прежнего, а её глаза вновь застелила пелена слез. Ей почудилось, будто муж не советуется с ней, а устраивает допрос, не доверяя её чутью. Беременные женщины склонны преувеличивать невзгоды, к тому же в последнее время на её долю выпало слишком много страхов и тревог. Масла в огонь подлило и появление новых наложниц в гареме: уязвленное самолюбие породило в душе Лю ревность и подозрительность. В каждом слове супруга ей теперь виделась скрытая угроза, будто он окончательно отдалился и принял сторону её врагов.

— Зачем ей мотив? Какой еще нужен мотив? — вскинулась императрица, сорвавшись на крик.
— Неужели она не могла поступить так из чистой мести?

Судя по себе, императрица была уверена: окажись она на месте свергнутой правительницы, она бы костями легла, но отравила жизнь каждому во дворце. И никаких причин для этого не требовалось! Неужели так сложно понять обычный порыв слепой ярости?

Порой люди действительно совершают поступки вопреки здравому смыслу. В конце концов, они живые существа, а не бездушные куклы со страниц романов, чьи шаги автор обязан скрупулезно растолковывать читателям.

— Почему ты не допускаешь, что старая ведьма попросту выжила из ума?! — гневно выпалила императрица.

Её ярость застала Вэнь Кэ врасплох. Не понимая, с чего супруга так разгорячилась, он попытался утихомирить её мягким, рассудительным тоном:

— Разумеется, она могла действовать под влиянием момента. Но где улики? Без неопровержимых доказательств мы не имеем права обвинять вдовствующую императрицу.

Великая Ци зиждилась на незыблемых устоях сыновней почтительности. Новому императору, рожденному от наложницы, не пристало бездоказательно порочить законную мать усопшего государя — это грубо нарушало все ритуалы.

— К тому же... — Вэнь Кэ на секунду запнулся. — Вэнь Чэнь всё еще жив. Прежде чем решиться на безумство, Юцинь неизбежно подумает о судьбе единственного внука. Она связана по рукам и ногам.

Именно поэтому маленького принца до сих пор не тронули — он оставался идеальным заложником для усмирения строптивой бабки.

Пока теплится хоть слабая надежда, женщина с таким характером никогда не пойдет ва-банк. Она будет до последнего выжидать удобного случая, чтобы перевернуть доску и вернуть себе власть.

В каком-то смысле Вэнь Кэ прекрасно изучил нрав своей мачехи. Это стало очевидно еще тогда, когда зажатая в угол Юцинь предпочла видеть на троне его, а не Сиятельного князя Цзина, которого вырастила сама. Вдовствующая императрица никогда не руководствовалась чувствами. Она опасалась князя Цзина, понимая: приди тот к власти, у маленького Вэнь Чэня не останется ни единого шанса занять трон в будущем.

Осознав, что внуку престол пока не светит, она мгновенно сменила тактику: отбросила былую вражду и вместе с первоприсутствующим Ван Яном возвела на престол Вэнь Кэ.

Но постойте.

Пальцы императора, ласково гладившие плечо жены, внезапно замерли. В его сознании вспыхнула догадка. Какое коренное различие между ним и князем Цзином заставило мачеху сделать выбор в его пользу? Как бы ни ранило его самолюбие подобное признание, следовало взглянуть правде в глаза: в нем скрывался некий изъян, столь очевидный и фатальный, что Юцинь сочла его безопасным.

Но в чем же он заключался?

Мысли императрицы тем временем текли в совершенно ином русле: «Он даже не пытается меня утешить. Он меня разлюбил!» Будучи незнатного происхождения, Лю вечно балансировала на грани уязвленной гордости и спеси, изводя себя напрасными подозрениями. В свое время вдовствующая императрица сосватала её за Вэнь Кэ именно из-за этой глупости и легкой управляемости.

Она не могла разгадать думы супруга, а её собственная израненная фантазия уже унеслась в заоблачные дали. Голосом, дрожащим от обиды, она воскликнула:

— Раз великий государь не винит ни мачеху, ни князя Цзина, то к какому же выводу он пришел? Неужели ты думаешь, будто эта... эта скверна исходит от меня?! От нашего дитя?!

Вэнь Кэ опешил. Логика женщин порой ставила его в тупик.

— С чего ты это взяла? — раздраженно спросил он. — Разве я хоть словом усомнился в тебе или сыне? Прекрати эту нелепую истерику.

— Истерику?! — Государыня окончательно потеряла самообладание.

Слово за слово — и мирная беседа превратилась в безобразную ссору. Размолвка закончилась ничем. Разгневанный император резко развернулся и стремительно покинул покои под безутешные рыдания супруги.

Однако у самых ворот Дворца Обитали Феникса он перевел дух и тяжело вздохнул. Приказав

немедленно призвать евнуха Ма Вэня, государь велел тому без промедления принять дела в Западном притворе. О расследовании заговора Секты Небесного Писания следовало временно забыть: сейчас первоочередной задачей стало дело о кровавом младенце.

Требувалось во что бы то ни стало выяснить, чьих рук это дело и какие цели преследует злоумышленник.

С самым благоговейным и скорбным видом выслушав высочайший указ, Ма Вэнь заверил государя, что костыми ляжет ради исполнения долга. В душе же евнух ликовал. Для него не существовало разницы между должностями директоров Восточного и Западного притворов — главное, что он наконец-то заполучил в свои руки неограниченные полномочия для ведения сыска.

По мнению императора, угроза была столь велика, что требовала решительных мер. Своей бурной деятельностью он пытался загладить вину перед плачущей женой. Но когда до ушей императрицы Лю донесли, что супруг, едва покинув её постель, с головой ушел в государственные дела, рассылая указы направо и налево, её сердце окончательно разбилось.

Помимо Ма Вэня, государь призвал во дворец Сыту Вана. Он велел ученикам Обители Сидячего Забытья оказывать поддержку сотрудникам Западного притвора и одновременно вести собственное дознание. Результат требовалось представить ровно через три дня. Хотя Вэнь Кэ подозревал человеческий умысел, полностью исключать вмешательство потусторонних сил не следовало. Осторожность в подобных вопросах никогда не была лишней.

Напоследок высочайшая милость коснулась и Чи Нина. Император подписал указ о его назначении на пост Директора Восточного притвора с передачей всех полномочий по надзору за сыском, однако... без права вхождения в состав Дирекции церемониала.

Принимая волю государя, Чи Нин вежливо улыбался. Но едва за спиной посланника закрылась дверь, он в ярости швырнул свиток из желтого шелка на пол. По комнате покатился грохот переворачиваемой мебели и бьющейся посуды.

Маленькие слуги за дверью дрожали от страха, не смея даже заглянуть внутрь. Куцай, прижимая к груди испуганного черного кота, с тревогой прислушивался к шуму. Его господин не позволял себе подобного гнева уже очень давно.

— Превосходно, — прошипел Чи Нин сквозь зубы и зло рассмеялся. — Вэнь Кэ, ты превзошел сам себя.

Кто бы мог подумать, что все его тонкие интриги закончатся столь издевательским исходом. Новоиспеченный монарх сыграл с ним в детскую словесную игру: формально Чи Нин добился желаемого звания, но лишился реального веса в совете высших евнухов. К чему ему пост Директора Восточного притвора, если он лишен права голоса в главном ведомстве дворца?!

Господин Юань приготовился к затяжной вспышке гнева, однако Чи Нин сделал несколько глубоких вдохов и невероятно быстро взял себя в руки. Его самообладание граничило с безумием.

«Вот почему настоящую силу ничто не заменит», — мысленно произнес Чи Нин. — «Лишь абсолютная власть позволяет творить всё, что пожелаешь».

Император даже не догадывался, что его мелочная хитрость лишь укрепила Чи Нина в желании устроить переворот. Настанет день, когда он возведет маленького принца на трон, и тогда поглядим, кто осмелится преградить ему путь в Дирекцию церемониала!

Что до дела о таинственном младенце, то распутывать его Чи Нин не собирался. Пусть всё горит синим пламенем — проблемы императора его не касались. В конце концов, он всего лишь скромный слуга на посту Директора Восточного притвора. Искусство создавать видимость бурной деятельности при полном бездействии Чи Нин освоил еще в свои первые годы службы при дворе.

Покинув Дирекцию дворцового хозяйства, Чи Нин направился напрямик в резиденцию Восточного притвора. Здание ведомства располагалось у северной оконечности ворот Дунхуамэнь, напротив штаб-квартиры Парчовых стражников, по соседству с Управой императорских пиршеств и Дворцом наследного принца. Место было на редкость удачным.

В голове Чи Нина уже зрела мысль переселиться в личные рабочие покои при канцелярии. Но для начала новоиспеченный начальник решил... безмятежно углубиться в чтение свежих донесений. Со стороны это выглядело как усердный труд, на деле же он просто наслаждался сборником невероятных историй. Самые грязные дворцовые сплетни и самые невообразимые интриги хранились именно здесь, за глухими стенами Восточного притвора.

Листая пергаменты, Чи Нин с увлечением читал дело о двух сестрах, умудрившихся поменяться местами у брачного алтаря, как вдруг его взгляд наткнулся на неожиданную запись. Его старший соученик умудрился в очередной раз угодить за решетку!

К настоящему моменту Цзян Чжиуэй уже вышел под залог, однако имя его благодетеля в бумагах не значилось. Чи Нин немедленно отправил человека к Парчовым стражникам, чтобы раздобыть списки посетителей Императорской тюрьмы. Каково же было его удивление, когда выяснилось, что именно на нужной странице расплылось огромное грязное пятно, полностью уничтожив записи за тот день.

Дело явно было нечисто. Кто-то стер следы настолько нагло и топорно, будто намеренно дразнил сыщиков. Любой другой на месте Директора Восточного притвора пришел бы в ярость от такого бессилия. Но Чи Нин лишь улыбнулся — ему в руки плыл идеальный повод отлынивать от прямых обязанностей. Объявив, что отправляется проводить дознание, он немедленно поехал в Южный дворец на встречу с Цзян Чжиуэем.

Узнав о маршруте Чи Нина, государь лишь усмехнулся, посчитав его поведение детской обидой, но в глубине души вздохнул с облегчением. По крайней мере, теперь подозрения о связи новоиспеченного евнуха с багровым туманом таяли на глазах.

Цзян Чжиуэй, узнав, что Чи Нин всё же возглавил Восточный притвор, сразу понял: шила в мешке не утаишь. Он до последнего надеялся скрыть правду, но не ожидал, что младший соученик нагрянет так скоро. К счастью для него, Чи Нин сейчас был занят беззвучной яростью на весь мир, что позволило самому Цзяну избежать головомойки. На главный вопрос о том, кто же вызволил его из темницы, он ответил без утайки:

— Сяньсянь вернулся.

— Второй старший брат? — удивился Чи Нин. — Но почему я ничего не...

— Почему ты его не встретил? — Цзян Чжиуэй поспешил перебить соученика, стремясь увести разговор в сторону. — Всё из-за этой чертовщины с багровым туманом.

Возвращение Юй Синчуя в столицу совпало со зловещими знаменами столь некстати, что недоброжелатели без труда связали бы его появление с кознями нечистой силы. И пускай император не поверил бы слухам, завистники из числа чиновников с радостью ухватились бы за эту зацепку, чтобы отравить жизнь молодому евнуху.

К счастью, Юй Синчуй прибыл в столицу тайно. Его повозку легко приняли за часть багажа, который он загодя отправлял в Юнцзи на протяжении нескольких недель. Вытащив непутевого соученика из застенков Парчовых стражников, он так же незаметно покинул город, позаботившись о том, чтобы стереть всякие упоминания о себе из Книги городских врат. Провернуть подобное ему не составило труда, ведь он знал, что контроль над Восточным притвором вот-завтра перейдет к Чи Нину.

Чи Нин мысленно восхитился поразительным политическим чутьем своего второго соученика. Окажись на его месте Цзян Чжиуэй, он бы даже ухом не повел и продолжал шуметь на всю округу.

Однако стоило Цзяну умолкнуть, как в голове Чи Нина сложился пазл. Всё шло прахом! Его соученик владел устаревшими сведениями и упустил из виду появление Западного притвора. Стертая запись в тюремных книгах теперь казалась не спасительным следом, а кричащей уликой. Ма Вэнь, жаждущий выслужиться перед государем, вцепится в эту странность мертвой хваткой гиены и не успокоится, пока не раскопает правду.

В безвыходном положении Чи Нин мог уповать лишь на заступничество злого бога.

«О, какая честь! Неужели ты наконец-то вспомнил обо мне?» — В мысленном голосе Юаня сквозила такая неприкрытая обида, что тот даже не пытался её скрыть. В последнее время он чувствовал себя незаслуженно забытым.

Чи Нин и не думал разбираться в причинах этой божественной меланхолии. Вместо этого он рассыпался в лестных речах, умоляя о содействии.

Юань, твердо вознамерившийся проучить ветреного мальчишку, при виде его умоляющего, преданного взгляда мгновенно растерял всю свою решимость. Тяжело вздохнув, он капитулировал, мысленно пообещав себе, что это точно в последний раз.

Действовал злой бог без промедления. Чтобы замести следы, он попросту испепелил архивные книги городских врат Юнцзи, устроив пожар в надвратной канцелярии. Этот ловкий отвлекающий маневр разом решил все проблемы.

«Я знал, знал! Вы — самый великий из злых богов! Самый прекрасный деревянный идол на свете! Самый...»

«Ты и впрямь находишь меня красивым?» — тихо спросил Юань.

«Конечно! Клянусь, нет в поднебесной деревянной статуи краше вашей!» — Едва дело доходило до лести, Чи Нин сыпал комплиментами без устали, не скупясь на самые изысканные выражения.

И Ма Вэнь... ожидаемо заглотив наживку.

Избавившись от угрозы, Чи Нин вновь обратился к соученику:

— Куда направился второй брат после того, как уехал из столицы? Тебе что-нибудь известно?

Цзян Чжиуэй со вздохом покачал головой:

— Сяньсянь не распространялся на этот счет. Помню только, он пробормотал под нос имя старой няни Цзан, что когда-то прислуживала Благородной супруге Вэй. Ума не приложу, как они связаны.

Но в голове Чи Нина уже родилась смутная догадка касательно замыслов Юцинь. Пока это оставалось лишь гипотезой, требовавшей веских подтверждений. И вопреки недавним зарокам держаться подальше от дела о кровавом младенце, Директор Восточного притвора решил закатать рукава и включиться в игру.

Сподручные из Восточного притвора сработали оперативно — вскоре на стол Чи Нина легли подробные жизнеописания няни Цзан. Злой бог вновь оказался не у дел, что привело его в неопишное раздражение.

Как следовало из донесения, покинув Запретный город, старуха не уехала в глухую провинцию,

а вышла замуж за зажиточного вдовца из уезда Фусянь в окрестностях столицы. Отыскать её адрес не составило труда.

Чи Нин рассудил здраво: раз уж он всё равно покинул Запретный город, а под рукой верные ищейки из Восточного притвора, медлить нельзя. Попрощавшись с соучеником, он покинул Южный дворец и взял курс на уезд Фусянь. Поскольку в императорскую резиденцию он не возвращался, то разминулся с тайным гонцом, который должен был передать ему записку.

В той записке содержались подсказки от маленького принца Вэнь Чэня, касавшиеся давней истории с багровым призраком. В пору тех событий принц был слишком мал, и взрослые оберегали его уши от страшных тайн. Всё, что ему удалось разузнать годы спустя, являлось лишь прилизанной, лишенной пугающих подробностей версией прошлого.

«Благородная супруга Вэй ведь мертва?» — поинтересовался Юань. Он смутно помнил эту женщину: когда он впервые последовал за маленьким Чи Нином во дворец, было время заката её небывалого величия.

«Да», — Чи Нин мерно покачивался в седле, предаваясь воспоминаниям. — «Она всю жизнь провела в неге и гордыне, плела козни против императрицы и открыто насмехалась над принцами. Но стоило императору Су уйти в мир иной, как любимице преподнесли три чи шёлковой ленты для сошествия в могилу вслед за повелителем».

Размышляя о судьбе некогда всемогущей фаворитки, Чи Нин вновь убедился в простой истине: в этом мире нет ничего постоянного. Любая опора зыбка, и полагаться можно лишь на собственные силы.

Юань невольно поймал себя на мысли, что из любой истории Чи Нин упрямо выносил лишь те выводы, которые соответствовали его собственным, давно укоренившимся циничным убеждениям. Всё прочее он отметал как вздор.

Ровно по той же причине Юань некогда наслал на Чи Нина сон, перенеся его в ту памятную пору, когда над головой Юй Синчюя сгустились «зеленые тучи» измены. Злой бог надеялся показать юноше, что его разочарование в земной любви глупо и беспочвенно. Порочна была не сама любовь, а те, кто предал её святость. Если говорить начистоту, его второй соученик Сяньсянь по молодости лет попросту не умел выбирать спутников жизни. Измени в этом уравнении хотя бы одного участника — и финал оказался бы совершенно иным.

Увы, сон даже не успел подойти к развязке, как Чи Нин лишь укрепился во мнении, что чувства — удел слабых и глупых. О чем это говорило? О том, что Юань заглянул недостаточно глубоко в прошлое! Злой бог упрямо верил: корень недоверия Чи Нина лежал гораздо глубже, а случай с неверным возлюбленным соученика лишь познакомил его с понятием супружеской измены.

Впрочем, мысли унесли его слишком далеко. Если вернуться к противостоянию госпожи Юцин и Благородной супруги Вэй, их соперничество во многом напоминало нынешнюю

вражду наложниц Цзи Цзань и Цзи Сысюэ. Обе попали во дворец во время одного отбора, обе познали и сладость побед, и горечь поражений. Исход того давнего соперничества казался очевидным: Юцинь вышла победительницей, примерив корону императрицы, согрев теплом старшего внебрачного сына покойного государя и подарив империи законного наследника.

Супруга Вэй долгие годы оставалась в тени, пока в один прекрасный день её чары чудесным образом не обрели сокрушительную силу. Она расцвела поздно, но мгновенно затмила всех, став единственной и неповторимой любовью императора Су. Одно омрачало её триумф — любимая женщина государя не могла родить ему дитя.

Были ли виной тому тайные козни императрицы Юцинь, оставалось лишь догадываться. Фаворитка ни разу не понесла, во дворце не шептались даже о выкидышах. Со временем отчаянное желание забеременеть уступило место извращенной злобе: супруга Вэй не могла спокойно спать, зная, что в чужом лоне теплится новая жизнь.

Именно это безумие толкнуло мать нынешнего императора, наложницу Чэнь, на отчаянный шаг. Она покончила с собой, обменяв собственную жизнь на безопасность сына, которого выносила и родила втайне от всесильной фаворитки, прячась по самым темным углам дворца.

Будучи императрицей, госпожа Юцинь могла бы протянуть несчастной руку помощи и защитить дитя августейшей крови, но не стала этого делать. Ей требовалось уберечь собственного сына, к тому же она лелеяла надежду, что бесчинства фаворитки рано или поздно откроют глаза государю Су на её истинное лицо, и тот вернется в лоно семьи.

Увы, расчетам не суждено было сбыться. До самого смертного часа император Су сохранял верность своей безумной возлюбленной, даже не думая о раскаянии. В наследниках он не нуждался — у него уже подрастал прекрасный престолонаследник, а до судеб прочих отпрысков государю не было дела.

Размышляя о делах минувших дней, Чи Нин невольно поймал себя на жуткой мысли.

«Как думаешь, не может ли этот багровый туман быть Одержимостью покойной супруги Вэй?» — Смерть фаворитки была ужасной, а её величайшим сожалением на пороге могилы осталось бесплодие. Да и госпожа Юцинь никогда не отличалась милосердием. Разве могла эта безжалостная и злопамятная женщина позволить своей извечной сопернице уйти легко, ограничившись простым удушением?

«Исключать этого нельзя», — отозвался Юань после недолгого раздумья. — «Вполне вероятно, что и после смерти фаворитки Юцинь пытается подчинить её дух своей воле. Вот только обуздать нрав этой женщины — задача не из легких».

Супруга Вэй отличалась необузданным, на грани безумия характером. Яркая, ослепительная и совершенно сумасшедшая. Император Су обладал весьма специфическим вкусом: игнорируя сонм добродетельных красавиц, он всем сердцем прикипел к этой безумице. Их союз, сотканный из вечной борьбы и всепоглощающей страсти, стал притчей во языцех среди

дворцовой челяди.

Женщина подобного склада ума, даже обратившись после смерти в бесплотный дух, скорее предпочла бы утянуть Юцинь за собой в бездну, нежели безропотно прислуживать злейшему врагу.

Главными ранами на душе покойной фаворитки оставались бездетность и поражение во время императорского отбора. До последнего вздоха она верила, что лишь её союз с государем был скреплен истинной любовью, в то время как Юцинь при поддержке евнуха Чжана коварством похитила предназначенный ей венец.

Разумеется, подобные притязания лишены всякого смысла и больше походили на бессильную злобу проигравшей стороны. И всё же судьба сыграла с ними злую шутку: супруга Вэй действительно завоевала сердце государя. Ради нее император закрывал глаза на то, как фаворитка изводила плод в утробах других наложниц, превратив императорский гарем в бесконечную череду выкидышей, лишь бы потакать прихотям своей безумной возлюбленной.

Неудивительно, что после этого даже безупречно проведенный когда-то отбор оброс в народе грязными слухами и домыслами.

Правой рукой безумной наложницы всегда оставалась старая няня Цзан. Именно она исполняла самую грязную работу, избавляя соперниц госпожи от бремени. Поразительно, но после кончины покровительницы эта бессердечная карга, владевшая тайными рецептами снадобий, избежала карающей длани закона. Ей удалось пережить не только смуту, но и воцарение императора Тяньхэ. В конце концов старуху благополучно отпустили со службы, и она вышла замуж за богатого купца, обеспечив себе сытую и покойную старость.

Если Юй Синчуй разыскал её, значит, у него имелись на то веские причины. Будучи на несколько лет старше Чи Нина, он раньше окунулся в пучину дворцовых интриг и успел прикоснуться к тайнам, сокрытым под спудом лет.

Лошади мерно цокали копытами, и вскоре впереди показались границы уезда Фусянь. Название этого места сулило богатство, но на деле уезд прозябал в нищете. Единственным прибыльным «товаром», поставляемым отсюда к императорскому двору, как и в Чжэньнэне, были евнухи.

Чи Нин припомнил служащих дворца: добрая половина молодых слуг действительно числилась выходцами из этих мест. Пожалуй, уезд Фусянь по праву считался одним из самых бедных уголков в окрестностях Юнцзи.

К слову, даже преданный слуга императора Сунь Эрба родился здесь. Он не примкнул ни к группировке Чжэньнэня, ни к фракции Мучунь, сумев сохранить независимость. Отчасти ему помогла долгая служба в княжеском поместье, отчасти — земляки. Уезд Фусянь исправно снабжал двор кастрированными отроками, которые охотно сбивались в собственные землячества, образуя грозную силу внутри дворцовых стен.

Впрочем, по происхождению евнухов всегда можно было безошибочно определить самые разоренные земли империи. Добившись признания и богатства, бывшие оборванцы щедро одаривали родные деревни, стремясь прославить свой род и утереть нос соседям.

Однако и сами вельможи, и оставшиеся на родине родичи прекрасно понимали: благополучие уезда зависит исключительно от бесконечного потока живого товара для нужд государя. Это уродливое процветание держалось на слезах искалеченных детей.

Бедные земли рожают евнухов — таков незыблемый закон Поднебесной.

<http://bllate.org/book/20385/2213358>